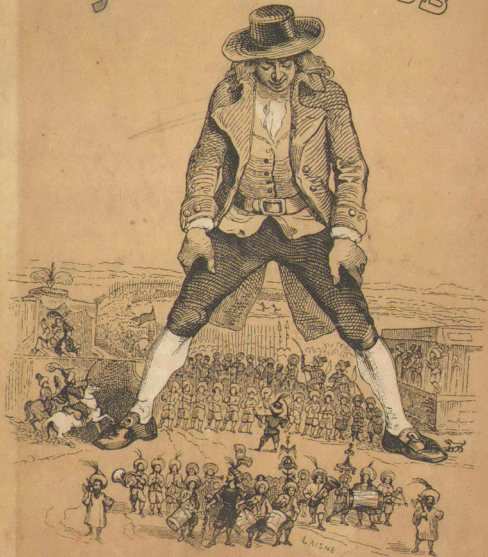
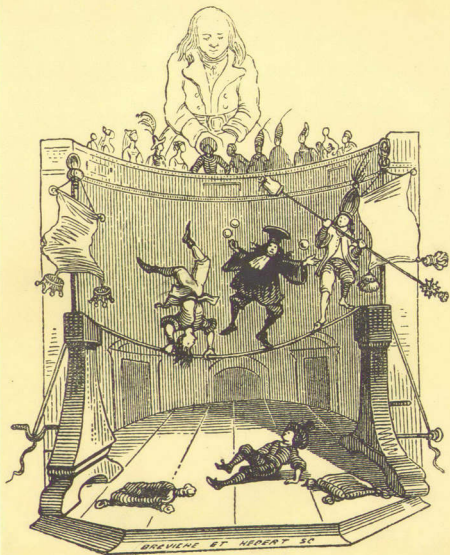

ГУЛЛИВЕР У ЛИЛЛИПУТОВ

ГУЛЛИВЕР У ЛИЛЛИПУТОВ

КНИГА ДЖОНАТАНА СВИФТА
ПЕРЕСКАЗАЛИ ДЛЯ ДЕТЕЙ
Т. ГАББЕ и З. ЗАДУНАЙСКАЯ
ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

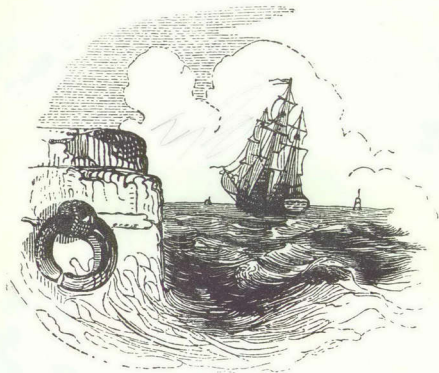
РИСУНКИ Ж. ГРАНВИЛЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛЕСМ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1936

2040

1984-01-17

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

1

Трехмачтовый бриг «Антилопа» отплывал в Южный океан.

На корме стоял корабельный доктор Гулливер и смотрел в подзорную трубу на пристань. Там остались его жена и двое детей, сын Джонни и дочь Бетти.

Не в первый раз отправлялся доктор Гулливер в море. Он любил путешествовать. Еще в школе он тратил почти все деньги, которые присылал ему отец, на морские карты и на книги о чужих странах. Он

усердно изучал географию и математику, потому что эти науки больше всего нужны моряку.

Отец отдал Гулливера в ученье к знаменитому в то время лондонскому врачу. Гулливер учился у него несколько лет, но не переставал думать о море.

Врачебное дело пригодилось ему: кончив ученье, он поступил корабельным врачом на судно «Ласточка» и плавал на нем три с половиной года. А потом на большом корабле «Добрая Надежда» совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию.

В плавании Гулливер никогда не скучал. У себя в каюте он читал книги, взятые из дому, а на берегу смотрел, как живут чужие племена, запоминал их язык и обычаи. На обратном пути он подробно записывал дорожные приключения.

И на этот раз, отправляясь в море, Гулливер захватил с собой толстую записную книжку.

На первой странице этой книжки было написано: «4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле».

2

Много недель и месяцев плыла «Антилопа» по Южному океану. Дули попутные ветры. Путешествие было удачное.

Но вот однажды, при переходе в Восточную Индию, корабль настигла страшная буря. Ветер и волны погнали его неизвестно куда.

А в трюме уже кончался запас пищи и пресной воды.

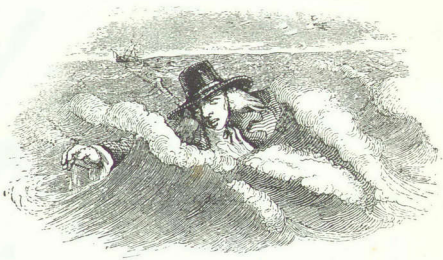
Двенадцать матросов умерли от усталости и голода. Остальные едва передвигали ноги. Корабль бросало из стороны в сторону, как ореховую скорлупку.

В одну темную, бурную ночь ветер понес «Антилопу» прямо на острую скалу. Матросы заметили это слишком поздно. Корабль ударился о крутые ребра скалы и разбился в щепки.

Только Гулливеру и пяти матросам удалось спастись в шлюпке.

Они знали, что где-то близко земля, и надеялись добраться до нее.

Долго носились они по волнам, пока не выбились из сил. А волны становились все больше и больше, и наконец самая высокая волна подбросила и опрокинула шлюпку.

Вода покрыла Гулливера с головой.

Когда он вынырнул, возле него никого не было. Все его спутники утонули.

Гулливер поплыл один, куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом. То и дело опускал он ногу и пробовал нащупать дно, но дна всё не было. А Гулливер уже не мог плыть дальше. Намокший кафтан и тяжелые разбухшие башмаки тянули его вниз. Он захлебывался и задыхался.

И вдруг ноги его почувствовали твердую землю.

Это была отмель. Гулливер встал и пошел.

Он шел-шел и все никак не мог выбраться на берег. Дно в этом месте было очень отлогое.

Наконец вода и песок остались позади.

Гулливер увидел лужайку, покрытую очень мягкой и очень низкой травой. Он отполз подальше от воды и крепко заснул.

Когда Гулливер проснулся, было уже совсем светло. Солнце стояло у него над головой.

Он хотел было протереть глаза, но не мог поднять руку; хотел сесть, но не мог пошевелиться.

Он лежал на спине и чувствовал, что его руки и ноги крепко привязаны к земле.

Тонкие веревочки опутывали все его тело от подмышек до колен. Веревочки обвивали каждый палец. Даже длинные густые волосы Гулливера были туго намотаны на маленькие колышки, вбитые в землю, и переплетены веревочками.

Гулливер был похож на рыбу, которую поймали в сеть.

«Верно, я еще сплю», подумал он.

Вдруг что-то быстрое, как мышка, пробежало у него по ноге. Вот вскарабкалось на живот, мягко поползло по груди, подбирается к подбородку.

Гулливер скосил один глаз.

Что за чудо?

У самого его подбородка стоит человек, настоя-

щий человечек с руками и ногами. На голове у него — блестящий шлем, в руках — лук и стрела, за спиною — колчан.

А весь человечек не больше огурца. Пятеро таких, как он, могли бы свободно усесться на ладони Гулливера.

Вслед за первым человечком на Гулливера взобралось еще десятка четыре таких же маленьких стрелков.

От удивленья Гулливер громко вскрикнул.

Человечки заматались и бросились врассыпную. Набегу они спотыкались и падали, потом вскакивали на ноги и один за другим прыгали на землю. Многие сильно ушиблись, а один даже вывихнул ногу.

Минуты две-три никто больше не подходил к Гулливеру. Только под ухом у него всё время раздавался шум, похожий на стрекотанье кузнечиков.

Но скоро человечки опять расхрабрились и снова стали карабкаться по его ногам, а самый смелый из них подкрался к лицу Гулливера, потрогал копьём его подбородок и тоненьким, но отчетливым голосом прокричал:

— Гекина дегуль!

— Гекина дегуль! Гекина дегуль! — подхватили тоненькие голоса со всех сторон.

Но что значили эти слова, — Гулливер не понял, хотя и знал много иностранных языков.

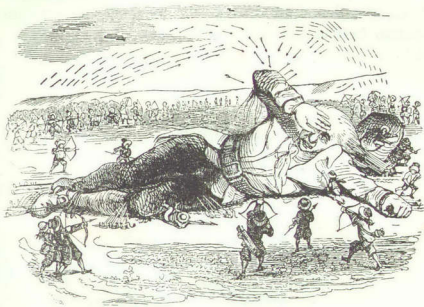
Долго лежал Гулливер на спине.

Руки и ноги у него совсем затекли.

Он собрал силы и попытался оторвать от земли левую руку.

Наконец это ему удалось. Он выдернул колышки, вокруг которых были обмотаны сотни тонких крепких веревочек, и поднял руку.

В ту же минуту кто-то внизу громко пропищал:
— Только фонак!

В руку, в лицо, в шею Гулливера разом вонзились сотни стрел.

Стрелы у человечков были тоненькие и острые, как иголки.

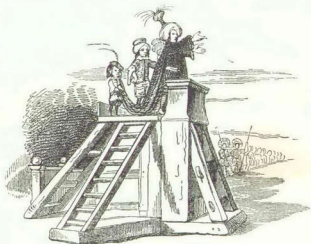
Гулливер закрыл глаза и решил лежать, не двигаясь, пока не наступит ночь.

«В темноте будет легче освободиться», думал он. Но дожждаться ночи на лужайке ему не пришлось. Недалеко от своего правого уха он услышал ча-

стый стук, будто кто-то рядом разбивает молоточками орехи.

Молоточки стучали целый час.

Гулливвер слегка повернул голову, — повернуть ее больше не давали веревочки и колышки, — и возле самой своей головы увидел только что построенный деревянный помост из свежих досок. Несколько человечков заколачивали в доски последние гвозди.

Потом человечки убежали, и по ступенькам лестницы медленно поднялся на помост человек в длинном плаще.

За ним шел другой, вдвое меньше его ростом, и нёс край его плаща. Наверно, это был мальчик-паж, он был не больше Гулливерова мизинца.

Последними взошли на помост два стрелка с натянутыми луками в руках.

— Лангро дегюль сан! — три раза прокричал чело-

вечек в плаще и развернул свиток с конфетную бумажку.

Сейчас же к Гулливеру подбежали пятьдесят человек и обрезали веревки, привязанные к его волосам.

Гулливер повернул голову и стал слушать, что читает человек в плаще. Человек читал и говорил долго-долго.

Гулливер ничего не понял, но на всякий случай кивнул головой и приложил к сердцу свободную руку.

Он догадался, что перед ним королевский посол.

Прежде всего Гулливер решил попросить у посла, чтобы его накормили. С тех пор, как он покинул корабль, у него не было во рту ни крошки хлеба. Он поднял палец и несколько раз поднес его к губам.

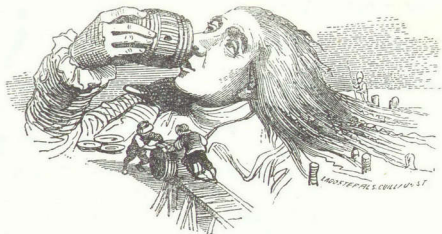
Человек в плаще что-то ответил. Потом он сошел с помоста и приказал приставить к бокам Гулливера несколько длинных лестниц.

Больше сотни сторбленных носильщиков потащили ко рту Гулливера корзины с едой.

В корзинах были тысячи хлебов величиной с горошину, целые окорока—с грецкий орех, жареные цыплята—меньше нашей мухи.

Гулливер проглотил разом два окорока вместе с тремя хлебцами. Он съел пять тушеных быков, восемь вяленых баранов, девятнадцать копченых поросят и сотни две цыплят и гусей.

Скоро корзины опустели. Тогда человечки подкатили к руке Гулливера две бочки с вином. Бочки были огромные, каждая—со стакан.

Гулливвер вышиб дно из одной бочки, вышиб из другой и в несколько глотков осушил обе бочки.

Человечки всплеснули руками от удивления.

Потом они знаками попросили его сбросить на землю пустые бочки.

Гулливвер подбросил обе разом. Бочки перекувырнулись в воздухе и с треском покатались в разные стороны. Толпа на лужайке расступилась, громко крича:

— Бора мевол! Бора мевол!

После вина Гулливеру сразу захотелось спать. Сквозь сон он чувствовал, как человечки бегают по нему вдоль и поперек, скатываются с него, точно с горы, щекочут его палками и копьями, прыгают с пальца на палец.

Он хотел было поймать десяток-другой прыгунов, но глаза у него сами собой закрылись, и он крепко заснул.

Человечки этого только и ждали. Они нарочно подсыпали в бочки с вином сонный порошок, чтобы усыпить необыкновенного гостя.

4

Страна, в которую буря занесла Гулливера, называлась Лиллипутия. Жили в этой стране лиллипуты.

Самые высокие деревья в Лиллипутии были не выше куста смородины, самые большие дома были ниже стола.

Такого великана, как Гулливер, в Лиллипутии никто никогда не видел.

Император приказал привезти его в столицу. Для этого-то Гулливера и усыпили.

Пятьсот плотников и сто инженеров построили по приказу императора огромную телегу на двадцати двух колесах.

Телега была готова в несколько часов, но взвалить на нее Гулливера было не так-то просто.

Вот что придумали для этого лиллипутские инженеры.

Они поставили телегу рядом со спящим великаном, — у самого его бока.

Потом вбили в землю восемьдесят столбиков с блоками наверху и надели на эти блоки толстые канаты с крючками на одном конце. Канаты были не толще обыкновенной бечевки.

Лиллипуты принялись за дело.

Они обхватили все туловище, обе ноги и обе

руки Гулливера крепкими повязками и, зацепив эти повязки крючками, принялись тянуть канаты через блоки.

Девятьсот отборных силачей были собраны для этой работы со всех концов Лиллипутии.

Они тянули канаты обеими руками, упирались в землю ногами и обливались потом.

Через час им удалось поднять Гулливера с земли на полпальца, через два часа — на палец, через три — они взвалили его на телегу.

Полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен были запряжены в телегу по десятку в ряд.

Кучера взмахнули бичами и погнали их в главный город Лиллипутии — Мильдендо.

Гулливер все еще спал. Он бы, наверное, не проснулся до конца пути, если бы его случайно не разбудил один офицер из королевской гвардии.

Это случилось так.

У телеги отскочило одно колесо. Пришлось остановиться и чинить телегу.

Несколько молодых офицеров решили воспользоваться этой остановкой и посмотреть, какое лицо у Гулливера, когда он спит.

Они подъехали к телеге на своих конях, и один из них засунул Гулливеру в левую ноздрю острие своей пик.

Гулливер сморщил нос и громко чихнул.

— Ап-чхи! — повторило эхо.

Офицеры прищипорили лошадей и во весь опор поскакали прочь от телеги.

А Гулливер проснулся, услышал, как щелкают кнутами погонщики, и понял, что его куда-то везут.

Целый день взмыленные лошади тащили связанного Гулливера по дорогам Лиллипутии.

Только поздно ночью телега остановилась, и лошадей отпрягли, чтобы накормить и напоить.

Всю ночь по обе стороны телеги стояла на страже тысяча гвардейцев: пятьсот — с факелами, пятьсот — с луками наготове.

Стрелкам приказано было выпустить в Гулливера пятьсот стрел, если только он вздумает пошевелиться.

Когда наступило утро, телега двинулась дальше.

5

Недалеко от городских ворот, на площади стоял старинный заброшенный замок с двумя угловыми башнями. В замке давно никто не жил.

В этом пустом замку лиллипуты привезли Гулливера.

Это было самое большое здание во всей Лиллипутии. Башни его были почти в человеческий рост. В главную дверь даже такой большой человек, как Гулливер, мог свободно проползти на четвереньках, а в парадной зале ему бы, пожалуй, удалось вытянуться во весь рост.

Здесь собирался поселить Гулливера император Лиллипутии.

Но Гулливер этого еще не знал. Он лежал на своей телеге, а со всех сторон к нему бежали толпы лиллипутов.

Конная стража отгоняла любопытных, но все-таки добрых десять тысяч человечков успело прогуляться по ногам Гулливера, по его животу и коленям, пока он лежал связанный.

Вдруг что-то стукнуло его по ноге. Он посмотрел себе на ногу и увидел нескольких лиллипутов с засученными руками и в черных передничках. Крошечные молоточки блестели у них в руках.

Это придворные кузнецы заковывали Гулливера в цепи.

От стены замка к его ноге они провели девяносто одну цепочку и замкнули их у него на щиколотке тридцатью шестью висячими замками. Цепочки были такие длинные, что Гулливер мог гулять по площадке перед замком и свободно вползать в свой дом.

Кузнецы кончили работу и отошли. Стража перерубил концы веревок, и Гулливер встал на ноги.

— А-ах! — закричали лиллипуты. — Куинбус Флестрин! Куинбус Флестрин!

По-лиллипутски это значит: «Человек-Гора! Человек-Гора!»

Гулливер осторожно переступил с ноги на ногу, чтобы не раздавить кого-нибудь из местных жителей, и осмотрелся кругом.

Никогда еще ему не приходилось видеть такую красивую страну. Лес, поля и сады были здесь похожи на пестрые цветочные клумбы. Речки бежали ручейками, а город вдали казался игрушечным.

Гулливер так загляделся, что не заметил, как вокруг него собралось чуть ли не всё население столицы.

Лиллипуты копошились у его ног, щупали пряжки башмаков и так задирали головы, что шляпы их сваливались на землю.

Мальчишки спорили, кто из них добросит камень до самого носа Гулливера.

Ученые толковали между собой, откуда взялся Куинбус Флестрин.

— В наших старых книгах написано, — сказал один

ученый, — что тысячу лет тому назад море выбросило к нам на берег страшное чудовище. Я думаю, что и Куинбус Флестрин вынырнул со дна моря.

— Нет, — отвечал другой ученый, — у морского чудовища должны быть жабры и хвост. Куинбус Флестрин свалился с луны.

Лиллипутские мудрецы не знали, что на свете есть другие страны, и думали, что везде живут одни лиллипуты.

Ученые долго ходили вокруг Гулливера и качали головами, но так и не успели решить, откуда взялся Куинбус Флестрин.

Всадники на вороных конях с копьями наперевес разогнали толпу. Кони были величиной с новорожденного котенка.

— Пеплам селян! Пеплам селян! — кричали всадники.

Гулливер увидел золотую коробочку на колесах. Коробочку везла шестерка белых лошадей. Рядом, тоже на белой лошади, скакал человек в золотом шлеме с пером.

Человек в шлеме подскочил прямо к башмаку Гулливера и осадил своего коня. Конь захрапел и взвился на дыбы.

Сейчас же несколько офицеров подбежали с двух сторон к всаднику, схватили его лошадь под уздцы и осторожно отвели подальше от Гулливеровой ноги.

Всадник на белой лошади был император Лиллипутии. А в золотой карете сидела императрица.

Четыре пажа разостлали на лужайке бархатный

доскут, поставили на нем кресло величиной со спичечный коробок и распахнули дверцы кареты.

Императрица вышла и уселась в кресло, расправив платье.

Вокруг нее сели на золотые скамеечки ее придворные дамы.

Они были так пышно одеты, что вся лужайка стала похожа на разостланную юбку, вышитую золотом, серебром и разноцветными шелками.

Император прыгнул с коня и несколько раз обошел пешком вокруг Гулливера. За ним шла его свита.

Чтобы лучше рассмотреть императора, Гулливер лег на бок.

Его величество был по крайней мере на целый палец выше своих придворных. Он был ростом в два пальца и, наверное, считался в Лиллипутии очень высоким человеком.

В руке император держал обнаженную шпагу, чуть-чуть подлиннее спички. На ее золотой рукоятке и ножнах блестели бриллианты.

Его императорское величество закинул голову назад и о чем-то спросил Гулливера.

Гулливер не понял его вопроса, но на всякий случай рассказал императору, кто он такой и откуда прибыл.

Император только пожал плечами.

Тогда Гулливер рассказал то же самое по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-гречески, по-французски, по-испански, по-итальянски и по-турецки.

Но император Лиллипутии, как видно, не знал этих языков.

Он кивнул Гулливеру головой, вскочил на коня и помчался обратно в Мильдендо. Вслед за ним уехала императрица со своими дамами.

А Гулливер остался сидеть перед замком, как цепная собака перед будкой.

6

К вечеру вокруг Гулливера столпилось по крайней мере триста тысяч лиллипутов — все городские жители и все крестьяне из соседних деревень.

Каждому хотелось посмотреть, что такое Куинбус Флестрин — Человек-Гора.

Гулливера охраняла стража, вооруженная копьями, луками и мечами. Ей было приказано никого не пускать к Гулливеру и смотреть за тем, чтобы он не сорвался с цепи и не убежал.

Две тысячи солдат выстроились перед замком, и всё-таки кучка горожан прорвалась сквозь строй.

Одни осматривали каблуки Гулливера, а другие швыряли в него камешки или целились из луков в его жилетные пуговицы.

Меткая стрела поцарапала Гулливеру шею, вторая стрела чуть не попала в левый глаз.

Начальник стражи приказал поймать озорников, связать их и выдать Куинбусу Флестрину.

Это было страшнее всякого другого наказания.

Солдаты связали шестерых лиллипутов и, подталкивая тупыми концами пик, пригнали к ногам Гулливера.

Гулливер нагнулся, сгреб всех одной рукой и сунул в карман своего камзола.

Только одного человечка он оставил у себя в руке, осторожно взял двумя пальцами за бока и стал рассматривать.

Человечек ухватился за палец Гулливера обеими руками и пронзительно закричал.

Гулливеру стало жаль человечка. Он ласково улыбнулся ему и достал из жилетного кармана перочинный ножик, чтобы разрезать веревки, которыми были связаны руки и ноги лиллипута.

Лиллипут увидел блестящие зубы Гулливера, уви-

дел огромный нож и закричал еще громче. Толпа внизу совсем притихла от ужаса.

А Гулливер тихонько перерезал одну веревку, перерезал другую и поставил человечка на землю.

Потом он по очереди отпустил и тех лиллипутов, которые метались у него в кармане.

— Глюм глефф Куинбус Флестрин! — закричала вся толпа.

По-лиллипутски это значит: «Да здравствует Человек-Гора!»

А начальник стражи послал во дворец двух своих офицеров, чтобы доложить обо всем, что случилось, самому императору.

7

Между тем во дворце Бельфаборак, в самой дальней зале, император собрал тайный совет, чтобы решить, что делать с Гулливером.

Министры и советники спорили между собой девять часов. Одни говорили, что Гулливера надо поскорее убить. Если Человек-Гора порвет свою цепь и убежит, он может растоптать всю Лиллипутию. А если он не убежит, то империи грозит страшный голод, потому что каждый день он съедает больше хлеба и мяса, чем нужно для прокормления 1728 лиллипутов. Это высчитал один ученый, которого пригласили в тайный совет потому, что он очень хорошо умел считать.

Другие доказывали, что убить Куинбуса Флестрина так же опасно, как и оставить в живых. От разложе-

ния такого громадного трупa может начаться чума не только в столице, но и во всей империи.

Государственный секретарь Рельдрессель попросил у императора слова и сказал, что Гулливера не следует убивать по крайней мере до тех пор, пока не будет построена новая крепостная стена вокруг Мильдендо. Гулливер съедает хлеба и мяса больше, чем 1728 лиллипутов, но зато он, верно, и работать будет за 2000 лиллипутов. Кроме того, в случае войны Челбвек-Гора может защитить страну лучше, чем пять крепостей.

Император сидел на своем троне под балдахином и слушал, что говорят министры.

Когда Рельдрессель кончил, он кивнул головой. Все поняли, что слова государственного секретаря ему понравились.

Но в это время встал со своего места адмирал Скайреш Болголам, командир всего флота Лиллипутии.

Человек-Гора, сказал он, конечно, самый сильный из всех людей на свете, — это правда. Но именно поэтому и следует его казнить как можно скорее. Ведь, если во время войны он вздумает присоединиться к врагам Лиллипутии, то десять полков императорской гвардии не смогут с ним справиться. Сейчас он еще в руках лиллипутов, и надо действовать, пока не поздно.

Казначей Флимнап, генерал Лимток и судья Бельмаф согласились с мнением адмирала.

Император улыбнулся и кивнул адмиралу головой, и даже не один раз, как Рельдресселю, а два раза. Видно было, что эта речь понравилась ему еще больше.

Судьба Гулливера была решена.

Но в это время дверь открылась, и в зал тайного совета вбежали два офицера, которых прислал к императору начальник стражи. Они стали перед импера-

тором на колени и доложили о том, что случилось на площади.

Когда офицеры рассказали, как милостиво обошелся Гулливер со своими пленниками, государственный секретарь Рельдрессель опять попросил слова.

Он произнес еще одну длинную речь, в которой доказывал, что бояться Гулливера не следует и что живой он будет гораздо полезнее императору, чем мертвый.

Император решил помиловать Гулливера, но приказал отнять у него огромный нож, о котором только что рассказали офицеры стражи, а заодно и всякое другое оружие, если оно будет найдено при обыске.

8

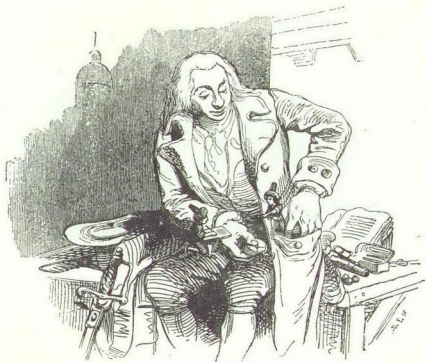
Обыскать Гулливера было поручено двум чиновникам.

Знаками они объяснили Гулливеру, чего требует от него император.

Гулливер не стал с ними спорить. Он взял обоих чиновников в руки и положил сначала в один карман камзола, потом в другой, а потом перенес их в карманы штанов и жилета.

Только в один потайной карман Гулливер чиновников не пустил. Там были у него спрятаны очки, подзорная труба и компас.

Чиновники принесли с собой фонарь, бумагу, перья и чернила. Целых три часа возились они в карманах Гулливера, рассматривали вещи и составляли опись.

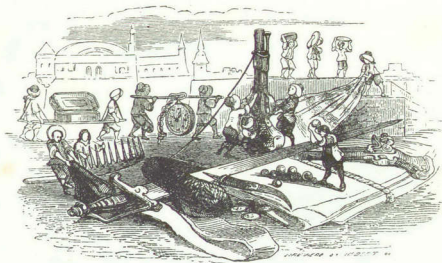
Окончив свою работу, они попросили Гулливера вынуть их из последнего кармана и спустить на землю.

После этого они поклонились и понесли составленную ими опись во дворец.

Вот она — слово в слово:

«1. В правом кармане камзола великого Человека-Горы мы нашли большой кусок грубого холста, который по своей величине мог бы служить ковром для парадной залы дворца Бельфаборак.

2. В левом кармане мы нашли огромный серебряный сундук с крышкой. В сундуке оказались крупные

желтые стружки. Едкий запах этих стружек заставил нас обоих долго чихать.

3. В правом кармане жилета оказалось несколько сотен гладких белых досок, одинаковых по величине и спшитых между собой канатами. На первой доске мы заметили два ряда черных знаков. Мы думаем, что это буквы неизвестной нам азбуки. Каждая буква величиной с нашу ладонь.

4. В левом кармане жилета мы видели вещь, похожую на решетку дворцового сада. Острыми прутьями этой решетки Человек-Гора расчесывает волосы. (Двух прутьев нехватает: пятого и десятого.)

5. В правом кармане штанов найдена неизвестная нам машина из железа и дерева.

6. В левом кармане штанов находится огромный нож, в два раза больше самого высокого лиллипута.

7. Кроме того, мы обнаружили у Человека-Горы большой круглый ящик. С одной стороны ящик серебряный, а с другой — ледяной. В карманах у Человека-Горы очень жарко, но этот лед не тает. Сквозь лед можно разглядеть двенадцать больших черных знаков и два копыя. Внутри ящика сидит какое-то большое животное, которое все время, не переставая, стучит не то зубами, не то хвостом.

Такова точная опись вещей, найденных при обыске у Человека-Горы. Во время обыска он вел себя вежливо и почтительно».

Под описью чиновники подписались: *Клефрин Фрелок.*
Марси Фрелок.

9

На другое утро перед домом Гулливера выстроились войска, собрались придворные, приехал сам император со свитой и министрами.

В этот день Гулливер должен был отдать императору Лиллипутини свое оружие.

Один чиновник громко читал опись, а другой бегал по Гулливеру из кармана в карман и показывал ему, какие вещи нужно доставать.

— Кусок грубого холста! — прокричал чиновник, читавший опись.

Гулливер положил на землю свой носовой платок.

— Серебряный сундук!

Гулливвер вынул из кармана табакерку.

— Триста белых гладких досок, прошитых канатами!

Гулливвер положил рядом с табакеркой свою записную книжку.

— Длинный предмет, похожий на садовую решетку!

Гулливвер достал гребешок.

— Машина из железа и дерева, огромный нож, ящик из серебра и льда!

Гулливвер вытащил пистолет, перочинный ножик и часы.

Император прежде всего осмотрел нож и приказал Гулливверу показать, как стреляют из пистолета.

Пистолет был заряжен, Гулливвер поднял его и выстрелил в воздух.

Раздался неслыханный в Лиллипутии грохот. Три тысячи солдат упали в обморок, два министра чуть не умерли от страха, а император побледнел, закрыл лицо руками и долго не решался открыть глаза.

Когда дым рассеялся и всё успокоилось, император приказал увезти в арсенал нож и пистолет.

Остальные вещи Гулливверу отдали обратно.

10

Целых полгода прожил Гулливвер в плену.

Шестеро самых знаменитых ученых каждый день приходили в замок учить его лиллипутскому языку.

Через три недели он стал хорошо понимать, что

говорят вокруг, а месяца через два и сам научился разговаривать с жителями Лиллипутии.

На первых же уроках Гулливер затвердил одну фразу, которая нужна была ему больше всего: «Ваше величество, я умоляю вас отпустить меня на свободу».

Каждый день на коленях повторял он эти слова императору, но император отвечал всегда одно и то же:

— Люмоз кельмин пессо десмар лон эмпозо!

Это значит: «Я не могу освободить тебя, пока ты не присягнешь в верности моей империи и мне».

Гулливер готов был присягнуть в ту же самую минуту, но император откладывал церемонию присяги со дня на день.

Мало-по-малу лиллипуты привыкли к Гулливеру и перестали его бояться.

Часто по вечерам он ложился на землю перед своим замком и позволял пятерым или шестерым человечкам плясать у себя на ладони. Дети из Миль-

дендо приходили играть в прятки в его волосах. И даже лиллипутские лошади больше не храпели и не становились на дыбы, когда видели Гулливера.

Император нарочно приказал как можно чаще устраивать конные ученья перед старым замком, чтобы приучить коней своей гвардии к живой горе.

По утрам всех лошадей из полковых и собственных императорских конюшен проводили мимо ног Гулливера.

Кавалеристы заставляли своих коней перескакивать через его руку, опущенную на землю, а один удалой наездник перескочил даже как-то раз через его ногу, закованную в цепь.

Гулливер все еще сидел на цепи. От скуки он решил приняться за работу и сам смастерил для себя стол, стулья и кровать.

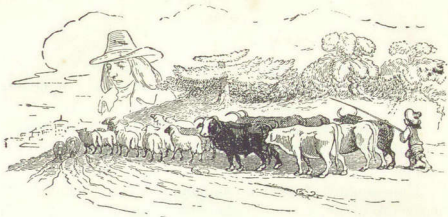
Для этого ему привезли около тысячи самых больших деревьев из императорских лесов.

А постель для Гулливера изготовили лучшие местные мастера. Они принесли в замок шестьсот матрацев обыкновенной лиллипутской величины. По сто пятьдесят штук спили они вместе и сделали четыре больших матраца в рост Гулливера. Их положили один на другой, но все-таки Гулливеру было жестко спать.

Таким же способом сделали для него одеяло и простыни.

Одеяло вышло тонкое и не очень теплое. Но Гулливер был моряк и не боялся простуды.

Обед для Гулливера стряпали пятьсот посаров, которых поселили рядом с замком в палатках.

Сюда каждый день на рассвете пригоняли целое стадо скота—шесть быков и сорок баранов. На телегах подвозили хлеб и вино.

Триста портных сшили для Гулливера костюм местного покроя.

Для того, чтобы снять мерку, портные велели Гулливеру опуститься на колени и приставили к его спине длинную лестницу.

По этой лестнице старший портной добрался до его шеи и спустил оттуда, от затылка до полу, веревку с грузом на конце. Такой длины нужно было сшить камзол. Рукава и талию Гулливер смерил сам.

Костюм удался на славу, но был похож на доскутное одеяло. Это случилось потому, что его сшили из нескольких тысяч кусков материи.

Гулливер был одет во все новое. Нехватало только шляпы. Но тут его выручил счастливый случай.

Однажды к императорскому двору прибыл гонец с известием, что недалеко от того места, где был найден Человек-Гора, пастухи заметили какое-то огромное черное тело с круглым горбом посредине и с широкими плоскими краями.

Сначала местные жители подумали, что это какое-то морское животное. Но так как горбун лежал совершенно неподвижно, ничего не ел и не дышал, то они догадались, что это какая-то вещь, принадлежащая Человеку-Горе. Если его императорское величество прикажет, эту вещь можно доставить в Мильдендо всего на пяти лошадях.

Император согласился, и через несколько дней пастухи привезли Гулливеру его старую черную шляпу, потерянную на отмели.

В дороге она порядком попортилась, потому что возчики пробили в ее полях две дыры и волокли ее всю дорогу на длинных веревках. Но все-таки это была шляпа, и Гулливер надел ее на голову.

Желая угодить императору и поскорей получить свободу, Гулливер выдумал необыкновенную забаву. Он попросил привезти ему из лесу несколько деревьев потолще и побольше.

На другой день семь возчиков доставили ему бревна на семи телегах. Каждую телегу тянуло восемь лошадей. Бревна были толщиной в обыкновенную тросточку.

Гулливер выбрал девять одинаковых тросточек и вбил их в землю, расположив правильным четырехугольником.

На эти тросточки он туго-натуго, как на барабан, натянул свой носовой платок.

Получилась ровная, гладкая площадка.

Вокруг нее Гулливер поставил перильца и предложил императору устроить на этой площадке военное состязание.

Императору очень понравилась эта затея.

Он приказал, чтобы двадцать четыре лучших кавалериста в полном вооружении отправились к старому замку, и сам поехал смотреть на их состязания.

Гулливер по очереди поднял всех кавалеристов вместе с лошадьми и поставил их на площадку.

Трубы затрубили. Всадники разделились на два отряда и начали военные действия. Они осыпали друг друга тупыми стрелами, кололи своих противников тупыми копьями, отступали и нападали.

Император остался так доволен военной потехой, что стал устраивать ее каждый день.

Один раз он даже сам командовал атакой на носовом платке Гулливера.

Гулливер держал в это время на ладони кресло, в котором сидела императрица. Отсюда ей было лучше видно, что делается на платке.

Все шло хорошо. Только раз, во время пятнадцатых маневров, горячая лошадь одного офицера пробила копытом платок, споткнулась и опрокинула своего седока.

Гулливер прикрыл левой рукой дыру в платке, а правой осторожно спустил на землю всех кавалеристов — одного за другим.

После этого он аккуратно заштопал платок, но, надеясь на его прочность, не решался больше устраивать на нем военные игры.

12

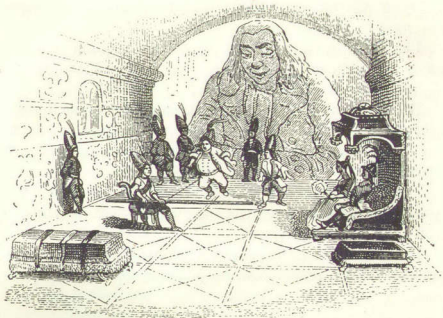
Император не остался в долгу у Гулливера. Он в свою очередь решил позабавить Куинбуса Флестрина интересным зрелищем.

Однажды под вечер Гулливер по обыкновению сидел на пороге своего замка.

Вдруг ворота Мильдендо отворились, и оттуда выехал целый поезд: впереди на коне император, за ним — министры, придворные и гвардейцы.

Все они направились по той дороге, которая вела к замку.

В Лиллипутии существует такой обычай. Когда какой-нибудь министр умирает или получает отставку,

пять или шесть лиллипутов обращаются к императору с просьбой о том, чтобы он разрешил им повеселить его пляской на канате.

Во дворце, в главном зале, натягивают как можно туже и выше канат не толще обыкновенной нитки для шитья.

После этого начинаются пляски, прыжки и курбеты.

Тот, кто подпрыгнет на канате выше всех и ни разу не упадет, занимает освободившееся министерское место.

Иногда император заставляет всех своих министров и придворных плясать на канате вместе с новичками,

чтобы проверить ловкость людей, которые правят страной.

Говорят, что во время этих развлечений часто бывают несчастные случаи. Министры и новички падают с каната кувирком и ломают себе шею.

На этот раз император решил устроить канатные пляски не во дворце, а под открытым небом, перед замком Гулливера. Ему хотелось удивить Человека-Гору искусством своих министров.

Самым лучшим прыгуном оказался государственный казначей Флимнап. Он подпрыгнул выше всех остальных придворных по крайней мере на пол-головы.

Даже государственный секретарь Рельдрессель, знаменитый в Лиллипутии своим умением кувиркаться и прыгать, не мог его перещеголять.

Потом императору подали длинную палку.

Он взял ее за один конец и стал быстро поднимать и опускать.

Министры приготовились к состязанию, которое было потруднее пляски на канате. Надо было успеть перепрыгнуть через палку, как только она опустится, и пролезть под ней на четвереньках, как только она поднимется.

Лучшие прыгуны и пролазы получили от императора в награду синюю, красную и зеленую нитку для ношения вокруг пояса.

Первый пролаза — Флимнап — получил синюю нитку, второй — Рельдрессель — красную, а третий — Скайреш Болголам — зеленую.

Гулливер смотрел на все это и удивлялся странным придворным обычаям Лиллипутской империи.

Придворные игры и праздники устраивались чуть ли не каждый день, а все-таки Гулливеру было очень скучно сидеть на цепи. Он то и дело подавал прошения императору о том, чтобы его освободили и позволили ему свободно разгуливать по стране.

Наконец император уступил его просьбам.

В тайном совете прочитали все прошения Гулливера и решили отпустить его на свободу, если он даст клятву соблюдать все правила, которые будут ему объявлены. Только адмирал Скайреш Болголам, злейший враг Гулливера, попрежнему настаивал на том, что Куинбуса Флестрина падо не освободить, а казнить.

Но так как Лиллипутия готовилась в это время к войне, никто не согласился с Болголамом. Все надеялись, что Человек-Гора защитит Мильдендо, если на город нападут враги.

Император приказал своим писцам написать крупными буквами на большом свитке такой приказ:

Я, Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой,

император великой Лиллипутии,
самый высокий, самый мудрый и самый сильный
из всех царей мира,
высочайше повелеваю освободить Человека-Гору
от цепей, если он поклянется исполнять всё, что мы
от него потребуем, а именно:

Во-первых, Человек-Гора не должен уезжать из Лиллипутии без нашего позволения.

Во-вторых, он не смеет входить в столицу ни днем ни ночью до тех пор, пока все жители не спрячутся в своих домах.

В-третьих, ему разрешается гулять только по большим дорогам и запрещается топтать леса, дуга и поля.

В-четвертых, во время прогулки он должен смотреть себе под ноги, чтобы не раздавить людей и лошадей.

В-пятых, ему запрещается брать в руки и сажать к себе в карманы жителей Лиллипутии без их согласия и разрешения.

В-шестых, ему поручается переносить гонцов императора с места на место, если его величеству понадобится послать куда-нибудь спешную весть или приказ.

В-седьмых, он должен быть нашим союзником, если у нас начнется война с островом Блефуску, и прежде всего обязан уничтожить неприятельский флот, который угрожает нашим берегам.

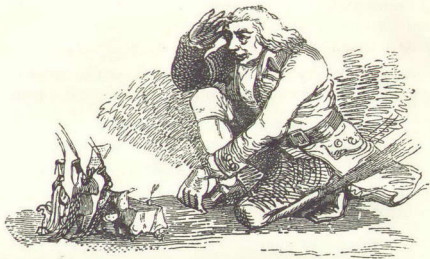
В-восьмых, Человек-Гора должен в свободное время работать на наших постройках, подымая самые тяжелые камни.

В-девятых, мы поручаем ему измерить шагами всю нашу империю вдоль и поперек и сосчитать число шагов.

*Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин
Молли Олли Гой.*

Дворец Бельфаборак

91-ая луна нашего царствования.

Этот приказ привез в замо́к сам адмирал Скайреш Болголам.

Он велел Гулливеру сесть на землю и взяться левой рукой за правую ногу, а два пальца правой руки приставить ко лбу и к верхушке правого уха. Так в Лиллипутии клянутся в верности.

Адмирал прочел вслух императорский приказ, а потом заставил Гулливера повторить слово в слово такую клятву:

— Я, Человек-Гора, клянусь его величеству императору Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, могущественному повелителю Лиллипутии, исполнять его приказ и защищать великую Лиллипутию от врагов на суше и на море!

После этого кузнецы сняли с Гулливера цепи, а Скайреш Болголам поздравил его и уехал в Мильдендо.

Как только Гулливер получил свободу, он попросил у императора позволения осмотреть город и побывать во дворце. Много месяцев смотрел он на столицу издали, сидя на цепи у своего порога, хоть она и была всего в пятидесяти шагах от старого замка.

Разрешение было дано.

Тогда Гулливер снял с себя камзол, чтобы не смести полами городские крыши и трубы, и в одном жилете отправился в Мильдендо.

За два часа до его прихода двенадцать глашатаев обошли весь город. Шестеро трубили в трубы, а шестеро кричали:

— Жители Мильдендо! По домам!

— Куинбус Флестрин, Человек-Гора, идет в город!

— По домам, жители Мильдендо!

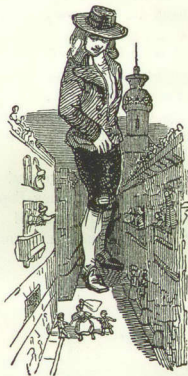
На всех углах расклеили воззвания, в которых

было написано то же самое, что кричали глашатаи.

Кто не слышал, тот прочел. Кто не прочел, тот услышал.

Всю столицу Мильдендо окружали старинные стены. Стены были такие толстые и широкие, что по ним

свободно могла проехать лилшутская карета, запряженная парой лошадей.

По углам возвышались остроконечные башни.

Гулливвер перешагнул через большие Западные ворота и очень осторожно, боком, прошелся по главным улицам.

В переулки и маленькие улочки он и не пытался заходить. Они были такие узкие, что нога Гулливера застряла бы между домами.

Все дома в Мильдендо были построены в три этажа.

Иногда Гулливер наклонялся и заглядывал в окна верхних этажей.

В одном окне он увидел повара в белом колпачке. Повар ловко ощипывал не то жучка, не то муху.

Приглядевшись, Гулливер понял, что это была индейка.

В другом окне сидела портниха и держала на коленях работу. По ее движению Гулливер догадался, что она вдевает нитку в игольное ушко. Но иголку и нитку разглядеть нельзя было, такие они были маленькие и тоненькие.

В школе дети сидели на скамейках и писали. Они писали не так, как мы — слева направо, не так, как арабы — справа налево, не так, как китайцы — сверху

вниз, а по-лиллипутски — вкось, от одного угла к другому.

Шагнув еще раза три, Гулливер очутился около императорского дворца.

Дворец, окруженный двойной стеной, находился в самой середине Мильдендо.

Через первую стену Гулливер перешагнул, а через вторую не мог. Эта стена была украшена высокими резными башенками.

Гулливер побоялся их разрушить.

Он остановился между двумя стенами и стал думать, как ему быть. Во дворце его ждет сам император, а он не может туда пробраться.

Что же делать?

Гулливвер вернулся к себе в замок, захватил две табуретки и опять пошел ко дворцу.

Подойдя к наружной стене дворца, он поставил одну табуретку среди улицы и стал на нее обеими ногами.

Вторую табуретку он поднял над крышами и осторожно опустил за внутреннюю стену, прямо в дворцовый парк.

После этого он легко перешагнул через обе стены — с табуретки на табуретку, не сломав ни одной башенки.

Переставляя табуретки все дальше и дальше, Гулливвер добрался по ним до собственных покоев его величества.

Император держал в это время со своими министрами военный совет. Увидев Гулливера, он приказал открыть окно пошире.

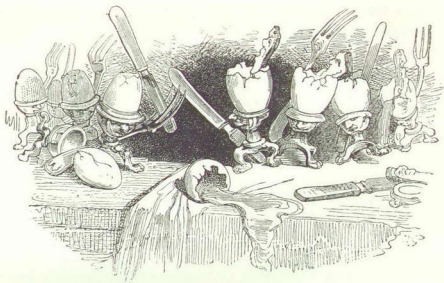
Войти в зал совета Гулливвер, конечно, не мог. Он улегся во дворе и приставил ухо к окошку.

Министры в это время рассуждали, когда выгодней начать войну с враждебной империей Блефуску.

Адмирал Скайреш Болголам поднялся со своего кресла и доложил, что неприятельский флот стоит на рейде и, очевидно, ждет только попутного ветра, чтобы напасть на Лиллипутию.

Тут Гулливвер не утерпел и перебил Болголама. Он спросил у императора и министров, из-за чего собираются воевать.

С разрешения императора государственный секретарь Рельдрессель ответил на вопрос Гулливера.

Дело обстояло так.

Сто лет тому назад дед нынешнего императора, в те времена еще наследный принц, за завтраком разбил яйцо с тупого конца и скорлупой порезал себе палец.

Тогда император, отец раненого принца и прадедушка нынешнего императора, издал указ, в котором запретил жителям Лиллипутии, под страхом смертной казни, разбивать вареные яйца с тупого конца.

С того времени всё население Лиллипутии разделилось на два лагеря—тупоконечников и остроконечников.

Тупоконечники не захотели подчиниться указу императора и бежали за море, в соседнюю империю Блефуску.

Лиллипутский император потребовал, чтобы бле-

Фускуанский император казнил беглых тупоконечников.

Однако император Блефуску не только не казнил их, но даже взял к себе на службу.

С тех пор между Лиллипутией и Блефуску идет непрерывная война.

— И вот наш могущественный император Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой просит у вас, Человек-Гора, помощи и союза, — так закончил свою речь секретарь Рельдрессель.

Гулливверу было непонятно, как это можно воевать из-за выведенного яйца, но он только что дал клятву и готов был ее исполнить.

15

Блефуску — это остров, отделенный от Лиллипутии довольно широким проливом.

Гулливвер еще не видел острова Блефуску. После военного совета он отправился на берег, спрятался за бугорком и, вынув из потайного кармана подзорную трубу, стал рассматривать неприятельский флот.

Оказалось, что у блефускуанцев ровно пятьдесят военных кораблей, остальные суда — торговые.

Гулливвер отполз от бугорка подальше, чтобы из Блефуску его не заметили, встал на ноги и отправился во дворец к императору.

Там он попросил, чтобы ему вернули из арсенала нож и доставили побольше самых прочных веревок и самых толстых железных палок.

Через час возчики привезли канат, толщиной в нашу

бечевку, и железные палки, похожие на вязальные спицы.

Гулливвер всю ночь просидел перед своим замком, — плел из веревок канаты и гнул из железных палок крючки. К утру были готовы пятьдесят веревок с пятьюдесятью крючками на концах.

Перекинув веревки через плечо, Гулливвер пошел на берег. Он снял камзол, башмаки, чулки и шагнул в воду. Сначала он шел вброд, потом на середине пролива поплыл, потом опять пошел вброд.

Меньше чем через полчаса Гулливвер добрался до блефускуанского флота.

— Пловучий остров! Пловучий остров! — закричали матросы, увидев в воде огромные плечи и голову Гулливвера.

Он протянул к ним руки, и матросы, не помня себя от страха, стали бросаться с бортов в море. Как ля-

гушки, шлепались они в воду и плыли к своему берегу.

Гулливвер снял с плеча веревки, зацепил все носы боевых кораблей крючками, а другие концы веревок связал в один узел.

Тут только блефускуанцы поняли, что Гулливвер собирается увести их флот.

Тридцать тысяч солдат разом натянули тетивы своих луков и пустили в Гулливвера тридцать тысяч стрел.

Больше двухсот угодило ему в лицо.

Плохо пришлось бы Гулливверу, если бы у него в потайном кармане не оказалось очков. Он быстро надел их и спас от стрел глаза.

Стрелы стукались о стекла очков и вонзались ему в щеки, в лоб и в подбородок. Но Гулливверу было не до того. Он изо всех сил дергал веревки, упирался в дно ногами, а блефускуанские корабли не трогались с места.

Наконец Гулливвер понял, в чем дело. Он достал из кармана нож и по очереди перерезал якорные канаты, державшие на причале корабли.

Когда последний канат был перерезан, корабли качались на воде и все, как один, двинулись за Гулливвером к берегам Лиллипутии.

Всё дальше уходил Гулливвер, и вслед за ним уплывали блефускуанские корабли и блефускуанская слава.

Император Лиллипутии и весь его двор стояли на берегу и смотрели в ту сторону, куда уплыл Гулливвер.

Вдруг они увидели вдалеке корабли, которые дви-

гались к Лиллипутии широким полумесяцем. Самого Гулливера они не могли разглядеть, потому что он до ушей погрузился в воду.

Лиллипуты не ожидали прихода неприятельского флота.

Они были уверены, что Человек-Гора уничтожит его. А между тем флот в полном боевом порядке направлялся к стенам Мильдендо.

Император приказал трубить сбор всех войск.

Гулливер издали слышал звуки трубы. Тогда он поднял повыше концы веревок, которые держал в руке, и громко закричал:

— Да здравствует могущественнейший император Лиллипутии!

— Да здравствует Куинбус Флестрин! — ответили ему с берега.

Как только Гулливер вышел на сушу, император приказал наградить его всеми тремя нитями — синей, красной и зеленой — и пожаловал ему титул «нардака» — самый высокий во всей империи.

Это была неслыханная награда. Придворные бросились поздравлять Гулливера.

Только адмирал Скайреш Болголам, у которого была всего одна зеленая нитка, отошел в сторону и не сказал Гулливеру ни слова.

Гулливер поклонился императору и надел все цветные нитки на средний палец. Подпоясаться ими, как лиллипутские министры, он не мог.

В этот день во дворце был устроен в честь Гулливера пышный праздник. Все танцевали в залах, а Гулливер лежал на дворе и смотрел в окно.

После праздника император вышел к Гулливеру и объявил ему новую высочайшую милость. Он поручает Человеку-Горе, нардаку Лиллипутской империи, отправиться тем же путем в Блефуску и увести оттуда все оставшиеся у неприятеля корабли, торговые и рыболовные.

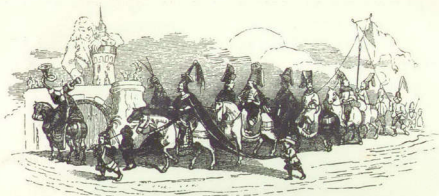
Государство Блефуску, сказал он, жило до сих пор рыболовством и торговлей. Если отнять у него флот, оно должно будет навсегда покориться Лиллипутии, выдать императору всех тупоконечников и признать священный закон, который гласит: «разбивай яйца с острого конца».

Гулливер осторожно ответил императору, что он всегда рад служить его лиллипутскому величеству, но должен отказаться от милостивого поручения. Он сам долго носил цепи и поэтому не может решиться обратиться в рабство целый народ.

Император ничего не сказал и ушел во дворец. А Гулливер понял, что с этой минуты он навсегда теряет милость государя. Император, который мечтает завоевать мир, не прощает тех, кто осмеливается стать ему поперек дороги.

И в самом деле, после этого разговора Гулливера перестали приглашать ко двору. Он бродил один вокруг своего замка, и придворные кареты не останавливались больше у его порога.

Только однажды пышная процессия вышла из ворот Мильдендо и направилась к жилищу Гулливера. Это

было блефускуанское посольство, которое прибыло к императору Лиллипутии для заключения мира.

Шесть послов и шестьсот человек свиты уже третью неделю жили в Мильдэндо. Они спорили с лиллипутскими министрами о том, сколько золота, скота и хлеба должен отдать император Блефуску за возвращение хотя бы половины флота, уведенного Гулливером.

Мир между обоими государствами был наконец заключен. Посольство Блефуску согласилось почти на все условия и уже готовилось к отъезду на родину.

Послы были удивлены, что им ни разу не случилось увидеть при дворе Гулливера, завоевателя их флота.

Кто-то на ухо рассказал одному из послов, почему разгневался император на Человека-Гору. Тогда послы решили навестить Гулливера в его замке и пригласить его на остров Блефуску.

Им было интересно увидеть вблизи Человека-Гору,

про которого они столько слышали от блефускуанских моряков и лиллипутских министров.

Гулливвер любезно принял чужеземных гостей, обещал побывать у них на родине, а на прощанье поддержал всех послов вместе с их лошадьми у себя на ладонях и показал им город Мильдендо с высоты своего роста.

18

Вечером, когда Гулливвер уже собирался ложиться спать, в дверь его замка тихонько постучали.

Гулливвер перешагнул через порог и увидел перед своей дверью двух людей, которые держали на плечах крытые носилки.

На носилках, в бархатном кресле, сидел человек. Лица его не было видно, потому что он закутался в плащ и надвинул на лоб шляпу.

Увидев Гулливвера, человек отослал своих слуг в город и приказал им вернуться в полночь.

Когда слуги удалились, ночной гость сказал Гулливверу, что хочет открыть ему очень важную тайну.

Гулливвер поднял носилки с земли, спрятал их вместе с гостем в карман своего камзола и вернулся к себе в замок.

Там он плотно закрыл двери и поставил носилки на стол.

Тогда только гость распахнул свой плащ и снял шляпу. Гулливвер узнал в нем одного из придворных, которого он недавно выручил из беды.

Еще в то время, когда Гулливвер бывал при дворе,

он случайно узнал, что этого придворного считают тайным тупоконечником. Гулливер заступился за него и доказал императору, что его оклеветали враги.

Теперь придворный явился к Гулливеру, чтобы, в свою очередь, оказать Куинбусу Флестрину дружескую услугу.

— Только что, — сказал он, — в тайном совете была решена ваша участь. Адмирал доложил императору, что вы принимали у себя послов враждебной страны и показывали им с ладони нашу столицу. Все министры требовали вашей казни. Одни предлагали поджечь ваш дом, окружив его двадцатитысячной армией; другие — отравить вас, пропитав ядом ваше платье и рубашку; третьи — умерить голодом. И только государственный секретарь Рельдрессель советовал оставить вас в живых, но выколоть вам оба глаза. Он говорил, что потеря глаз не лишит вас силы и даже прибавит вам храбрости, так как человек, который

не видит опасностей, ничего на свете не боится. В конце концов наш милостивый император согласился с Рельдресселем и приказал завтра же ослепить вас остро отточенными стрелами. Если можете, спасайтесь, а я должен немедленно удалиться от вас так же тайно, как и прибыл сюда.

Гулливер тихонько вынес своего гостя за дверь, где его уже поджидали слуги, а сам, недолго думая, стал готовиться к побегу.

19

С одеялом под мышкой Гулливер вышел на берег. Осторожными шагами пробрался он в гавань, где стоял на якоре лиллипутский флот. В гавани не было ни души. Гулливер выбрал из всех кораблей самый большой, привязал к его носу веревку, уложил в него свой камзол, одеяло и башмаки, а потом поднял якорь и потянул корабль за собой в море. Тихо, стараясь не плеснуть, дошел он до середины пролива, а дальше поплыл.

Плыл он в ту самую сторону, откуда привел недавно военные корабли, — в сторону Блефуску.

Добравшись до острова, он поставил корабль на якорь, потом надел камзол и башмаки и зашагал в столицу Блефуску.

Маленькие башни блестели при луне. Весь город еще спал, и Гулливер не захотел будить жителей. Он лег у городской стены, завернулся в одеяло и заснул.

Утром Гулливер постучал в городские ворота и

попросил начальника стражи известить императора о том, что в его владения прибыл Человек-Гора.

Начальник стражи доложил об этом государственному секретарю, а тот императору. Император Блефуску со всем своим двором сейчас же выехал навстречу Гулливеру.

У ворот все мужчины соскочили с коней, а императрица и ее дамы вышли из кареты.

Гулливер лег на землю, чтобы приветствовать блефускуанский двор. Он попросил позволения осмотреть остров, но ничего не сказал о своем бегстве из Лиллипутии. Император и его министры решили, что Человек-Гора просто приехал к ним в гости, потому что его пригласили послы.

В честь Гулливера был устроен во дворце большой праздник. Для него зарезали много жирных быков и баранов, а когда снова наступила ночь, его оставили под открытым небом, потому что в Блефуску не нашлось для него подходящего помещения.

Он опять улегся у городской стены, закутавшись в лиллипутское лоскутное одеяло.

В три дня Гулливер обошел всю империю Блефуску, осмотрел города, деревни и усадьбы. Повсюду за ним бегали толпы народа, как и в Лиллипутии.

Разговаривать с жителями Блефуску ему было легко, так как блефускуанцы знают лиллипутский язык не хуже, чем лиллипуты знают блефускуанский.

Разгуливая по низким лесам, мягким лугам и узким дорожкам, Гулливер вышел на противоположный берег острова. Там он сел на камень и стал думать о том, что ему теперь делать: остаться ли на службе у императора Блефуску, или просить у императора Лиллипутии помилованья. Вернуться к себе на родину он уже не надеялся.

И вдруг далеко в море он заметил что-то темное, похожее не то на скалу, не то на спину большого морского животного.

Гулливер снял башмаки и чулки и пошел вброд посмотреть, что это такое. Скоро он понял, что это не скала. Скала не могла бы подвигаться к берегу вместе с приливом. Это и не животное. Вернее всего, это опрокинутая лодка.

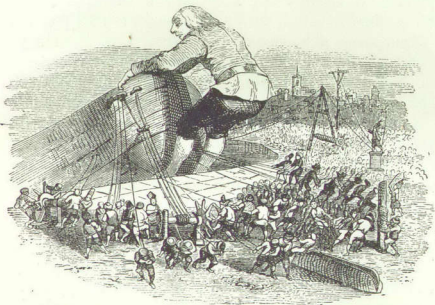
Сердце у Гулливера забилося. Он сразу вспомнил, что у него в кармане подзорная труба, и приставил ее к глазу. Да, это была лодка. Вероятно, буря оторвала ее от какого-то корабля и занесла к этим берегам.

Гулливер бегом побежал в Блефуску и попросил императора дать ему сейчас же двадцать самых больших кораблей, чтобы пригнать лодку к берегу.

Императору было интересно посмотреть на необык-

новенную лодку, которую нашел в море Человек-Гора. Он послал за ней корабли и приказал двум тысячам своих солдат помочь Гулливеру вытащить ее на сушу.

Маленькие корабли подошли к большой лодке, зацепили ее крючками и потянули за собой. А Гулливер

плыл сзади и подталкивал лодку рукой. Наконец она уткнулась носом в берег. Тут две тысячи солдат дружно ухватились за привязанные к ней веревки и помогли Гулливеру вытянуть ее из воды.

Гулливер осмотрел лодку со всех сторон. Починить ее было нетрудно. Нехватало только вёсел. Гулливер работал десять дней с утра до вечера. Он вырезал

весла и законопатил дно. Во время работы тысячные толпы блефускуанцев стояли вокруг и смотрели, как Человек-Гора чинит лодку-гору.

Когда все было готово, Гулливер пошел к императору, стал перед ним на одно колено и сказал, что хотел бы завтра же пуститься в путь, если его величество разрешит ему покинуть остров. Он давно соскучился по своей семье и друзьям и надеется встретить в море корабль, который отвезет его на родину.

Император попробовал было уговорить Гулливера остаться у него на службе, обещая ему многочисленные награды и неизменную милость, но Гулливер стоял на своем. Император должен был согласиться.

Конечно, ему очень хотелось оставить у себя на службе Человека-Гору, который один мог бы уничтожить неприятельскую армию или флот. Но если бы Гулливер остался жить в Блефуску, это непременно вызвало бы жестокую войну с Лиллипутией.

Уже несколько дней тому назад император Блефуску получил от императора Лиллипутии длинное письмо с требованием отправить назад в Мильдендо беглого Куинбуса Флестрина, связав его по рукам и по ногам.

Блефускуанские министры долго думали о том, как ответить на это письмо. Наконец, после трехдневного размышления, они написали ответ.

В их письме было сказано, что император Блефуску приветствует своего друга и брата, императора Лиллипутии Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гой, но вернуть ему Куинбуса Флестрина не может, так как Человек-Гора только что отплыл

на огромном корабле неизвестно куда. Император Блефуску поздравляет своего возлюбленного брата и себя с избавлением от лишних забот и тяжелых расходов.

Отослав это письмо, блефускуанцы стали торопливо собирать Гулливера в дорогу.

Они зарезали триста коров, чтобы смазать его лодку жиром, и отдали ему на паруса и снасти добрую половину всего холста и всех веревок, которые были у них в государстве.

Гулливер погрузил в лодку множество воловьих и бараньих туш, а кроме того захватил с собой в дорогу шесть живых коров и столько же овец с баранами.

24 сентября 1701 года, в шесть часов утра Гулливер поднял парус и покинул остров Блефуску.

21

Свежий ветер ударил в парус и погнал лодку в открытое море.

Когда Гулливер обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на низкие берега Блефускуанского острова, он ничего не увидел, кроме воды и неба.

Остров исчез, как будто его никогда и не было.

К ночи Гулливер подошел к маленькому скалисто-му островку, на котором жили одни улитки.

Это были самые обыкновенные улитки, каких Гулливер тысячу раз видел у себя на родине. Лилипутские и блефускуанские гуси были немного меньше этих улиток.

Здесь, на островке, Гулливер поужинал, переночевал и утром двинулся дальше, взяв по своему карманному компасу курс на северо-восток.

Он надеялся найти там обитаемые острова или встретить корабль.

Но прошел день, а Гулливер попрежнему был один в пустынном море.

Ни корабля, ни скалы, ни даже птицы.

Ветер то гремел парусом, то совсем утихал.

Когда парус повисал и мотался на мачте, как тряпка, Гулливер брался за весла. Но трудно было грести маленькими неудобными веслами.

Гулливер скоро выбился из сил. Он уже стал думать, что ему никогда больше не увидать родины и больших людей. И вдруг на третий день пути, около пяти часов дня он заметил вдали парус, который двигался, пересекая ему путь.

Гулливер принялся кричать, но ответа не было, — его не слышали. Корабль шел мимо.

Гулливер налег на весла. Но расстояние между ним и кораблем не уменьшалось. На корабле были большие паруса, а у Гулливера — лоскутный парус и самодельные весла.

Но, на счастье Гулливера, ветер неожиданно упал, и корабль перестал убегать от лодки.

Гулливер плыл, не спуская глаз с парусов. И вдруг на мачте корабля взвился флаг. Грохнул пушечный выстрел.

Лодку заметили.

26 сентября, в шестом часу вечера Гулливер поднялся на борт корабля.

Это было английское торговое судно, возвращавшееся из Японии. Капитан его, Джон Бидль из Дентфорда, оказался любезным человеком и прекрасным моряком. Он приветливо встретил Гулливера и отвел ему удобную каюту. А когда Гулливер отдохнул, капитан попросил его рассказать, где он был и куда направляется.

Гулливер вкратце рассказал ему свои приключения. Капитан только посмотрел на него и грустно покачал головой.

Гулливер понял, что капитан не верит ему и считает его человеком, потерявшим рассудок.

Тогда Гулливер, ни слова не говоря, вытащил из

своих карманов одну за другой лиллипутских коров и овец и поставил их на стол.

Коровы и овцы разбрелись по столу как по лужайке.

Капитан долго не мог притти в себя от изумления.

Теперь только он поверил, что Гулливер сказал ему чистую правду.

— Это самая замечательная история на свете! — воскликнул капитан.

22

Всё остальное путешествие Гулливера было вполне благополучно, если не считать одной только неудачи. Корабельные крысы утащили у него овцу из лиллипутского стада.

В щели своей каюты Гулливер нашел ее косточки, начисто обглоданные.

Все другие овцы и коровы остались целы и невредимы. Они отлично перенесли долгое плавание. В пути Гулливер кормил их сухарями, растертыми в порошок и размоченными в воде.

Корабль шел к берегам Англии на всех парусах.

13 апреля 1702 года Гулливер сошел по трапу на родной берег и скоро обнял свою жену, дочь Бетти и сына Джонни.

Так счастливо окончились чудесные приключения
корабельного врача Гулливера в стране лиллипутов
и на острове Блефуску.

О ФОРМЛЕНИЕ М. РАЗУЛЕВНЧА

Для младшего возраста

Редактор А. Любарская. Редактор-художник
Ю. Петров. Тетрадь, редактор Н. Родченко.
Корректор Н. Томина. Книга подписана в печать
с машиной 13/1 1936 г. Д-6. Лексиконизм № 144.
Лексиконизм № 36203. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 366. Формат бумаги 82 X 110¹/₁₆.
Печ. л. 9. У. а. л. 9. (48 539 тира. экз. в 1 бум. л.).
Бум. л. 2¹/₄.

1-я типография «Печатный двор» треста
«Восстановление». Ленинград, Голубинская, 26.
Обложка отпечатана в Лип. иж. Тажского.

Цена 1 руб. 75 коп. Переклад 75 коп.

К
Цена 3 р. 50 к.

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ